

- Правая рука неподвижна, левая натягивает тетиву. Да, вот так...

Неподалёку впереди кабан искал пропитание, совершенно не замечая, что в пятидесяти шагах от него уже нацелена стрела.

Чжэнь Вэньцзюнь накрыла своей ладонью правую руку Вэй Тинсуй, фиксируя её движение и помогая ей расправить грудь. Её левая рука двигалась в такт, увлекая за собой руку спутницы, чтобы вместе натянуть лук.

- Можешь вытянуть указательный палец, чтобы целиться, - дабы не спугнуть добычу, Чжэнь Вэньцзюнь говорила, прильнув к самому уху Вэй Тинсуй. Её горячий шёпот могли слышать только они двое.

- Очень хорошо... - Чжэнь Вэньцзюнь выжидала момент, когда кабан окажется наиболее беззащитен. Их конь Сяосюэ понимал, что означает эта натянутая тишина, и замер как вкопанный, ни единым движением не сбивая прицел.

Чжэнь Вэньцзюнь улучила момент и уже собиралась скомандовать стрелять, но Вэй Тинсуй опередила её на полвздоха и отпустила тетиву. Сорвавшаяся стрела с прерывистым свистом рассекла воздух и вонзилась кабану прямо в сердце. Раненый зверь в испуге бросился наутёк, и Чжэнь Вэньцзюнь, крепче обняв Вэй Тинсуй, пустила коня в погоню.

Чжэнь Вэньцзюнь гнала коня во весь опор. Кабан бежал из последних сил, но не прошло и четверти часа, как он выдохся и рухнул на землю. Чжэнь Вэньцзюнь спешила, набросила лассо ему на шею, подошла ближе и связала все четыре копыта. Кабан всё ещё отчаянно брыкался, обдав её грязью с ног до головы.

Вэй Тинсуй, державшая поводья, выглядела чрезвычайно довольной. Она небрежно смахнула тыльной стороной ладони пот со лба и с улыбкой произнесла:

- Оставим его здесь и поищем следующую цель.

Видя, в каком та находится азарте, Чжэнь Вэньцзюнь быстро привязала кабана к пню, вскочила на лошадь и спросила:

- Сестрица, у тебя поясница не болит?

- Нет, мы ведь совсем недолго в седле.

- Правда? Смотри не переусердствуй. Если сглупишь и снова поранишься, бог весть когда в следующий раз на охоту выберемся. А если рассчитать силы, то, глядишь, до наступления настоящих зимних холодов успеем выехать ещё разок.

- Всё в порядке, не недооценивай меня. Вперёд! - Вэй Тинсюй сама слегка пришпорила Сяосюэ, и конь медленно зашагал вперёд в поисках новой добычи.

Вэй Тинсюй часто наблюдала за тем, как стреляют другие, и благодаря подсказкам Чжэнь Вэньцзюнь училась очень быстро. Вот только у человека, не привыкшего к боевым искусствам, руки быстро уставали. Стоило ей выпустить ещё несколько стрел, как в мышцах разлилась невыносимая ломота, пальцы на туго натянутой тетиве отчаянно задрожали, и целиться стало совершенно невозможно.

- Довольно, - Чжэнь Вэньцзюнь мягко опустила её руки сзади. - На сегодня хватит. Завтра утром точно будешь стонать от боли.

- Когда это я стонала от боли? - Вэй Тинсюй подставила лицо вечернему ветру, её азарт ничуть не угас, и она с явным удовольствием пререкалась с Чжэнь Вэньцзюнь, что бывало крайне редко.

- Уже темнеет, и поднимается ветер. Посмотри, ты вся промокла от пота, так недолго и заболеть, - Чжэнь Вэньцзюнь коснулась её лба и убрала в сторону прилипшие от пота пряди волос. Вэй Тинсюй слегка повернула голову, её длинные ресницы дрогнули, и краем глаза она увидела ту, что сидела позади, прижавшись к ней почти вплотную.

- Обними меня крепче, и не будет холодно, - тихо произнесла Вэй Тинсюй.

Чжэнь Вэньцзюнь, которая всё это время искала любой повод для близости и уже несколько раз осмеливалась перейти к решительным действиям, получив прямое позволение Вэй Тинсюй, стала ещё смелее. Она обняла её за талию одной рукой, увлекая в свои объятия, и, вдыхая тонкий аромат её хрупкого, мягкого тела, медленно направила коня вперёд.

- Я помню, если ехать по этой дороге ещё с ли, можно добраться до края долины Чжуйся, - сказала Вэй Тинсюй. - Оттуда открывается невероятно красивый закат. Когда я была маленькой, старший брат однажды привозил меня туда. Долина Чжуйся - это лучшее место во всём Жунине, чтобы любоваться заходом солнца.

- Да? Тогда мы ещё можем успеть, - Чжэнь Вэньцзюнь не стала медлить. Пока они скакали к долине Чжуйся, небо становилось всё темнее. Им казалось, что они уже опоздали, но когда они миновали густые заросли деревьев и нагромождения камней, дорога ушла вверх, и внезапно перед ними открылся бескрайний простор. Земля и небо сходились на горизонте без единой преграды, а пламенеющее закатное солнце, казалось, было на расстоянии вытянутой руки.

- Это здесь? - Чжэнь Вэньцзюнь тоже замерла, потрясённая этой красотой.

- Да, именно здесь, - Вэй Тинсюй смотрела как заворожённая. - Совсем не изменилось.

Видя Вэй Тинсуй такой, Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала ещё большую нежность и сжала объятия. Вэй Тинсуй не выказала ни малейшего протеста, а напротив, она отклонилась назад, полностью доверяясь её рукам.

Они вместе молча наблюдали, как солнце опускается в самую глубь долины. Мир вокруг почти мгновенно погрузился в сумерки, и окрестности окутала темнота.

Положив подбородок на плечо Вэй Тинсуй, Чжэнь Вэньцзюнь тихонько напомнила:

– Сестрица, возвращаемся?

Вэй Тинсуй словно попробовала слово «сестрица» на вкус и вдруг спросила:

– А ты помнишь, как звала меня, когда мы были в Мэнляне?

Разве Чжэнь Вэньцзюнь могла забыть? Тогда она прятала Вэй Тинсуй в подземных каналах, спасая от летящих на город зажигательных снарядов армии Чунцзиня. Чувство щемящей тоски перед расставанием, когда ей нужно было уходить на задание, до сих пор свежо горело в её памяти.

Заметив, что Вэй Тинсуй повернула лицо и ждёт ответа, Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала, как к щекам прилила кровь. Заветное имя застряло в горле, и лишь спустя мгновение она робко и едва слышно выдохнула:

– Тинсуй?..

– Мне нравится, когда ты так меня называешь.

В отличие от смущённой Чжэнь Вэньцзюнь, Вэй Тинсуй выражала свои чувства открыто и смело, отчего у Чжэнь Вэньцзюнь сладко заняло сердце.

– Тогда с этого момента я буду называть тебя Тинсуй...

Вэй Тинсуй едва заметно улыбнулась в знак согласия. В этот миг кончик носа Чжэнь Вэньцзюнь касался её щеки. Стоило Вэй Тинсуй повернуться ещё на волосок или Чжэнь Вэньцзюнь податься чуть вперёд, и их губы соприкоснулись бы.

В груди у Чжэнь Вэньцзюнь словно пять сотен храбрецов разом ударили тараном в ворота. И пока она колебалась, то заметила, как Вэй Тинсуй в таком же нерешительном порыве часто захлопала ресницами. Это крошечное открытие стало для Чжэнь Вэньцзюнь невидимым толчком в спину, заставив её стремительно податься вперёд.

Но стоило их губам едва соприкоснуться, как издалека донёлся топот копыт и крики Сяохуа, которая повсюду искала их.

Словно пойманная на горячем воришка, Чжэнь Вэньцзюнь вздрогнула и поспешно отстранилась.

– Госпожа! – Сяохуа наконец-то отыскала их. Запыхавшись, она нагнала девушек верхом. Увидев, что они мирно любят угаасающими лучами заката, она придержала готовые сорваться с языка тревожные расспросы, осадилла лошадё и, сделав небольшой круг на месте, произнесла:

– Мои госпожи, уже совсем стемнело, пора возвращаться.

Чжэнь Вэньцзюнь слегка приуныла, а вот Вэй Тинсюй, напротив, забавляло то, что их поймали с поличным. Она мягко улыбнулась Сяохуа:

– Хорошо, едем назад.

С этой осенней охоты они вернулись с богатой добычей: два кабана, три оленя и целая гора диких фазанов и зайцев.

Когда они добрались до поместья Вэй, Вэй Тинсюй уже совершенно не могла идти сама, так что Чжэнь Вэньцзюнь пришлось на руках выносить её из повозки.

Удерживая её, Чжэнь Вэньцзюнь с досадой ворчала:

– Вот видишь, я же просила тебя не упрямиться. Теперь-то почувствовала боль?

– Но у меня ведь есть Вэньцзюнь, которая сделает мне массаж, так чего мне бояться? – Вэй Тинсюй обняла её за шею, выглядя при этом весьма довольной.

Чжэнь Вэньцзюнь донесла её до купальни, усадила в кресло у края бассейна и тут же принялась спешно разводить целебный отвар. Она без устали разливала лекарство и добавляла его в воду. Руки и ноги двигались невероятно проворно, ведь она боялась, что Вэй Тинсюй заждалась или успела замёрзнуть.

Когда бассейн до краёв наполнился целебной водой, она бережно помогла Вэй Тинсюй спуститься. Стоило выталкивающей силе воды принять на себя затёкшую и почти потерявшую чувствительность поясницу, как Вэй Тинсюй попробовала сделать несколько плавательных движений. Она мягко перебирала ногами, и хотя это причиняло лёгкий дискомфорт, она вполне могла плыть сама. Вэй Тинсюй увлеклась процессом, и с каждым взмахом у неё получалось всё увереннее. Чжэнь Вэньцзюнь к тому времени уже приготовила охлаждающие шарики лекарства, но, видя, как весело та плавает, не решила её прерывать. Всё равно

снадобье не остынет так быстро, поэтому она просто устроилась рядом, решив подождать, пока Вэй Тинсуй не наплавается вволю.

После целого дня изнурительного труда и суматохи по возвращении Чжэнь Вэньцзюнь на самом деле сильно устала. Вспоминая всё, что произошло в долине Чжуйся, она ощущала лёгкое сожаление, которое приятно бередило душу.

Ощущение того, как она сжимала в руках хрупкое тело Вэй Тинсуй, всё ещё хранилось в её объятиях и на груди. Раньше ей тоже часто приходилось носить её на руках, но тогда она делала это лишь для того, чтобы перенести госпожу с места на место, и в этом всегда был практический смысл. Сегодняшние же объятия были вызваны исключительно желанием стать ближе.

Вэй Тинсуй была такой хрупкой и податливой, что в Чжэнь Вэньцзюнь пробуждалось желание позволить себе чуть больше дерзости.

Лёжа у края бассейна и перебирая в памяти подробности ушедшего дня, Чжэнь Вэньцзюнь сладостно улыбалась.

Пока она так лежала, её сморило. Вэй Тинсуй, вдоволь наплававшись, подобралась к бортику. Увидев, что Чжэнь Вэньцзюнь уснула с улыбкой на губах, она не удержалась и легонько коснулась пальцем кончика её носа.

Чжэнь Вэньцзюнь проснулась от этого прикосновения и затуманенным со сна взором разглядела Вэй Тинсуй. Та опиралась предплечьями о край бортика, пока нижняя часть её тела всё ещё оставалась в воде. Длинные мокрые волосы были гладко зачёсаны назад, полностью открывая утончённые черты лица.

Сердце Чжэнь Вэньцзюнь пропустило удар, и она только собиралась что-то сказать, как Вэй Тинсуй накрыла её губы своими.

В момент этого соприкосновения у Чжэнь Вэньцзюнь в голове воцарилась полная пустота. Ей казалось, что губы Вэй Тинсуй источают благоухание и невероятно мягки. Она была полностью во власти этого наваждения. Скольжение кончика чужого языка по её губам отозвалось нестерпимым, томительным зудом, и это дурманящее чувство покалывания устремилось в самую глубь её сердца.

Вэй Тинсуй начала отстраняться назад, но Чжэнь Вэньцзюнь потянулась за ней. Вэй Тинсуй отпрянула ещё дальше, и Чжэнь Вэньцзюнь подалась следом, уже наполовину нависнув над водой. Когда Вэй Тинсуй резко ушла в сторону, Чжэнь Вэньцзюнь лишь вскрикнула «Ай!» и с плеском повалилась прямо в бассейн.

Горькая лекарственная вода хлынула ей в рот и нос, заставив отчаянно закашляться.

Видя её растрёпанный и жалкий вид, довольная Вэй Тинсюй быстро отплыла на безопасное расстояние. Чжэнь Вэньцзюнь утёрла лицо ладонью и, притворяясь рассерженной, воскликнула:

- Ах вот как! Ты вздумала подшутить надо мной? А ну иди сюда!

Но Вэй Тинсюй и не думала слушаться, припустив ещё быстрее. Чжэнь Вэньцзюнь, взмахнув своими длинными руками и ногами, в один гребок настигла её и заключила в объятия. Вэй Тинсюй проявила благоразумие и тут же сдалась. Помня о её больной пояснице, Чжэнь Вэньцзюнь не позволяла себе резких движений, однако и выпускать добычу не собиралась, намертво заперев её в кольце своих рук.

- Хватит, давай не будем дурачиться, - смягчившись, произнесла Вэй Тинсюй, пытаясь в одностороннем порядке прекратить это озорство.

- Сначала ты дразнишь меня, а теперь «не будем дурачиться»? Где это видано, чтобы всё обходилось так дёшево? - Чжэнь Вэньцзюнь только вошла во вкус и ни за что не желала отпускать её.

Их кокетливый смех разносился далеко за пределы купальни. Сяохуа как раз собиралась зайти и спросить у Вэй Тинсюй, что приготовить на ужин: оленину или зажарить поросёнка целиком. Но не успела она и слова вымолвить, чтобы попросить позволения войти, как услышала доносившиеся изнутри плеск воды и игривое подшучивание. Девушка густо покраснела. Постыдившись нарушать их уединение, она в нерешительности потопталась на месте и, поняв, что веселье там утихать не собирается, не стала больше ждать и поспешно удалилась.

Эту ночь они провели в объятиях друг друга, а на следующее утро проснулись очень поздно.

Чжэнь Вэньцзюнь чувствовала себя невероятно бодрой и окрылённой, хоть сейчас на крыши прыгай. Она лично отправилась на кухню за ежедневным целебным отваром для Вэй Тинсюй, намереваясь самой услужить ей в спальне, но на полпути столкнулась с Бу Цзе.

- Моя госпожа, тут человек, с виду из судебного ведомства, передал на словах, что господин Се желает видеть вас.

- Господин Се? Се Фучэнь? - у Чжэнь Вэньцзюнь внутри всё похолодело. Она тревожно огляделась по сторонам и тихо спросила:

- Когда тебе передавали это послание, кроме тебя, кто-нибудь ещё слышал?

Бу Цзе покачал головой:

- Вэньшэн был начеку. В тот момент рядом никого не было.

– Вот и славно, – она кивнула, но так и не сказала, пойдёт она или нет. Держа в руках чашу с лекарством и крепко насупив брови, она какое-то время пристально смотрела на Бу Цзе, а затем приказала:

– Будь предельно внимателен. Если этот человек придёт снова, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы его увидел кто-то из людей семьи Вэй. Ты меня понял?

Бу Цзе ответил:

– Будьте уверены, моя госпожа.

Если посчитать дни, то час смертной казни Се Фучэня был уже совсем близок. И в такой судьбоносный момент Се Фучэнь вдруг захотел встретиться именно с ней? Передать весточку из одиночных камер императорской тюрьмы задача крайне непростая, а уж устроить свидание с кем-то и подавно.

Он определённо не стал бы звать к себе случайного, ничего не значащего человека.

У Чжэнь Вэньцзюнь в глубине души уже зрела смутная догадка, что возможно, то, что собирается сказать Се Фучэнь, имеет колоссальное значение.

В тюрьме царили крошечная тьма и леденящий холод. Даже без особых указаний со стороны Ли Яньи местные тюремщики прекрасно понимали, что небеса переменялись, и этот некогда всесильный Великий Сыма вот-вот уйдёт в небытие вслед за императором Хуай-ди, став лишь очередной ступенью в новой истории государства. Из-за этого Се Фучэнь столкнулся в застенках с самым скверным обращением, какое когда-либо выпадало на долю бывших высших сановников.

Гуань Сюнь в своё время строго-настрого запретил подчинённым безрассудно издеваться над узниками, однако среди мелких чиновников всё равно находились те, кто желал выслужиться перед семьёй Вэй и сторонниками нового императора, а потому втайне отыгрывался на Се Фучэне. Сам Се Фучэнь, впрочем, ни на что не жаловался. Смешанное с песком просо и смердящую тушёную зелень он съедал с невозмутимым лицом, ни на йоту не нарушая даже за тюремной трапезой благородных манер. Спустя несколько таких заходов тюремщики, не получив ожидаемого удовольствия от его унижения, бросили эту затею. Когда же Се Фучэню подали пусть и скудную, но вполне нормальную еду, он негромко произнёс «Спасибо» дежурному надзирателю, отчего тот аж залился краской от стыда.

Разумеется, не все тюремщики были чёрствыми. Глубокой ночью, когда вокруг воцарилась тишина, к камере Се Фучэня осторожно и крадучись приблизился силуэт.

- Господин Се? Господин Се? Вы спите? – тихо позвал пришедший.

Из темноты донёсся голос Се Фучэня:

- Когда на душе много беспокойства, лишь тогда понимаешь, как долга ночь. Жаль только, в этих стенах нет окон, и неизвестно мне, как выглядит луна этой ночью.

Во мгле послышался лёгкий шорох, затем раздались два негромких щелчка, и слабое пламя медленно затеплилось, слегка разогнав темноту. Когда глаза немного привыкли к свету, стало видно, что Се Фучэнь чинно и ровно восседает на циновке, расстеленной поверх каменного ложа. Хотя он и выглядел осунувшимся, в его облике не было и следа жалкой неряшливости. Посмотрев на источник света, он с мягкой улыбкой спросил:

- Не тот ли это молодой человек, что приходил вчера?

Мужчина поспешно ответил:

- Истинно так, это ничтожный я! – с этими словами он извлёк из-за пазухи тряпичный свёрток и просунул его сквозь прутья решётки. – Господин Се, моя благоверная напекла пресных лепёшек на пару. Я прихватил парочку, отведайте, пока они ещё тёплые.

Се Фучэнь подошёл ближе и принял свёрток. Тот действительно сохранил остатки тепла: надзиратель всю дорогу бережно нёс его у самого сердца, чтобы не дать остыть. Поблагодарив, Се Фучэнь принялся медленно и тщательно пережёвывать лепёшку, следя за тем, чтобы ни одна крошка не упала с его губ.

Тюремщик несколько раз порывался что-то сказать, но колебался. Наконец он решился:

- Господин Се, те слова, что вы просили передать, я уже доставил по адресу... Вот только та молодая барышня так и не ответила, придёт она или нет...

Се Фучэнь с улыбкой покачал головой:

- Ничего страшного. Я и так доставил почтенному юноше немало хлопот, а сейчас при мне нет никаких ценностей, так что мне совершенно нечем отблагодарить вас за доброту.

С этими словами он отвесил надзирателю глубокий, исполненный искреннего уважения поклон.

Надзиратель испуганно замахал руками:

- Нет-нет-нет, господин Се, вы слишком высоко меня цените! Ничтожный я, хотя и не обучен грамоте, но слышал изречения мудрецов. Господин Се - великий учёный нашего времени, муж безупречной добродетели и глубокого уважения. Если бы не нынешняя беда, разве посчастливилось бы мне перемолвиться с вами хоть словом? Обидно лишь, что я всего лишь мелкий слуга и не могу восстановить справедливость для господина Се, вынужденный беспомощно смотреть, как вы терпите унижения от этих негодяев в стенах этой тюрьмы!

Се Фучэнь горько улыбнулся:

- В жажду не пей из Разбойного источника, в зной не отдыхай в тени Дурного древа¹. Если даже у тебя, простого тюремщика, ещё осталась капля гордости и верности истинному порядку, то при дворе ныне стоят сплошь подлецы с рабскими ужимками и лживыми лицами. А на вершине власти и вовсе заправляют те, у кого в груди сокрыты злые умыслы. И эта Ли Яньи ещё имеет дерзость заявлять о мандате Небес! С такими правителями стоит ли удивляться, что династия Ли неизбежно сменит хозяина!

¹аллюзия на стихотворение Лу Цзи, означающая, что благородный человек даже в крайности не пойдёт на компромисс со своей совестью и не примет помощь от недостойных людей.

Видя его в таком состоянии, надзиратель не удержался, и по его щекам покатались две струи горьких слёз:

- Господин Се... Я... я слышал, что через три дня вас казнят. Скажите, не осталось ли у вас какого-нибудь незавершённого дела или заветного желания?

Се Фучэнь глубоко вздохнул и произнёс, словно разговаривая сам с собой:

- Когда-то я пообещал А-Цюн, что буду сопровождать её всю жизнь. Увы, больше двадцати лет я провёл в трудах и расчётах, но так и не сумел увидеть её в последний раз. Молодой человек, на самой вершине горы Ляоси есть одинокая могила, на ней написано: «Могила А-Цюн». Покорнейше прошу тебя, похорони мои останки рядом с ней, и не нужно ставить мне надгробия. Кроме этого, у меня больше нет никаких земных забот.

Тюремщик поспешно согласился. Не смея задерживаться дольше, он оставил Се Фучэню свечу, которой освещал себе путь, чтобы подарить узнику хотя бы крошечный лучик света.

На следующий день указ Сына Неба прибыл в императорскую тюрьму. Глава Гуань Сюнь лично явился зачитать его.

“Род Се за преступление против престола и умысел на мятеж приговорён к истреблению до девятого колена. Сам Се Фучэнь подлежит прилюдному рассечению надвое в поясице на Восточном рынке через три дня.”

Выслушав приговор, Се Фучэнь с совершенно невозмутимым лицом обратился к Гуань Сюню:

- Могу ли я просить почтенного министра Гуаня об одном маленьком одолжении в камере?

Взгляд, которым Гуань Сюнь смерил Се Фучэня, был полон крайней настороженности. Он намеренно распорядился запереть его в камере без окон, опасаясь, что Се Фучэнь сможет связаться с внешним миром. Гуань Сюнь слишком хорошо помнил, как этот человек, используя жизнь деда, угрозами и посулами подчинил себе Цзян Вана. Этот муж обладал пугающе дальновидным умом, и до самой последней секунды никто не мог знать наверняка, припрятан ли у него козырь в рукаве.

Се Фучэнь, словно разгадав опасения собеседника, мягко улыбнулся:

- Министру не стоит тревожиться. Дни мои сочтены. Просто есть ещё один человек, с которым я хотел бы увидеться. Если бы в камере было окно, я мог бы видеть восход солнца и бледную луну, чтобы хотя бы знать, который теперь час.

Гуань Сюнь отрезал решительно и бесповоротно:

- Исключено.

Се Фучэнь поспешно окликнул министра, который уже развернулся, собираясь уходить:

- Министр Гуань! Если вы не доверяете мне, можете заковать меня в колодки и тяжёлые цепи! В таком положении я физически не смогу предпринять никаких действий. Молю вас проявить снисхождение и исполнить это последнее, ничтожное желание умирающего.

Гуань Сюнь на мгновение замер, но ушёл, так и не обернувшись. Лишь оказавшись за пределами императорской тюрьмы, он приказал подчинённым наложить на Се Фучэня кандалы и перевести его в камеру с окном.

Впрочем, так называемое окно в этой тюрьме было размером всего с ладонь. Опасаясь, что узники станут переговариваться со сообщниками снаружи, это крошечное отверстие прорубили на высоте шести чи. Обременённый тяжёлыми кандалами, Се Фучэнь не мог ни выпрямиться во весь рост, ни лечь прямо, и ему оставалось лишь ссутулившись сидеть, забившись в угол. Так он прождал два дня. Чжэнь Вэньцзюнь всё не появлялась, и Се Фучэнь за всё это время не сомкнул глаз ни на минуту.

До казни оставалось менее шести часов.

Небо за пределами застенков мало-помалу светлело. Тюремщики, выпив с вечера вина, всё ещё крепко спали, даже через длинный коридор разносился их громоподобный храп. Мелкий служитель снова крадучись пробрался к камере Се Фучэня. На этот раз за его спиной

бесшумно следовал ещё один силуэт. Из-за слабого освещения лицо этого человека полностью тонуло во мраке, однако Се Фучэнь уже понял, что та, кого он так долго ждал, наконец пришла.

Надзиратель тихонько отпер тюремную дверь и шепнул:

- Барышня, господин Се, говорите, о чём нужно, а я пойду присмотрю за коридором снаружи.

- Премного благодарен, - Се Фучэнь, скованный по рукам и ногам тяжёлыми железными цепями, не мог пошевелиться, а потому лишь едва заметно кивнул в знак признательности.

Человек, стоявший во тьме, не торопясь переступил порог камеры. Крошечный лучик света медленно скользнул по её фигуре вверх и остановился у самого подбородка.

- Вы хотели видеть меня?

Чжэнь Вэньцзюнь была настороже с Се Фучэнем. Пусть этому человеку оставалось жить менее шести часов перед тем, как его казнят рассечением надвое, пусть он был скован тяжёлыми цепями и колодками - этот старый лис всё равно внушал ей необъяснимую тревогу. Поэтому она не хотела, чтобы свет падал на её лицо, так Се Фучэнь не смог бы по её мимике разгадать, что у неё на уме.

Се Фучэнь стоял на коленях на земляном полу. Он хотел поднять голову и взглянуть на Чжэнь Вэньцзюнь, но колодки весили слишком много, вынуждая его склоняться к земле. Сама конструкция колодок в Великой Юй была такова, чтобы преступник смирил гордыню, опустил голову и безропотно раскаивался в содеянном.

Видя перед собой лишь подол платья Чжэнь Вэньцзюнь, Се Фучэнь тихо вздохнул:

- А-Лай... Твоя матушка... ведь так звала тебя?

Услышав, что Се Фучэнь упомянул её мать, Чжэнь Вэньцзюнь резко помрачнела взором:

- Господин Се, вы, должно быть, забыли, что мою матушку погубили именно вы.

Се Фучэнь внезапно задал странный вопрос:

- Ты ненавидишь меня?

- Раньше ненавидела, - Чжэнь Вэньцзюнь сделала паузу и лишь затем продолжила:

- Но вы вот-вот умрёте, а что мне делить с покойником? Всё, что род Се когда-то причинил мне, я уже вернула вам сполна. Моя жизнь ещё очень долгая, и вы не стоите того, чтобы я помнила о вас до конца дней. Будьте спокойны, господин Се, я, Чжэнь Вэньцзюнь, проживу эту жизнь так, как пожелаю, и буду жить ещё лучше! Если и есть о чём жалеть, так это о такой ничтожной малости, как невозможность лично отправить вас в последний путь. Но это сущие пустяки.

Се Фучэнь довольно улыбнулся и кивнул:

- Вот и славно. Вот и хорошо.

Чжэнь Вэньцзюнь не совсем понимала его мотивов. Ей было неясно, ради чего Се Фучэнь настоял на этой встрече:

- У господина Се будут ещё какие-то наставления?

Се Фучэнь произнёс:

- Перед твоей матерью у меня действительно нечиста совесть. Когда её только привезли в Жунин, я из-за вечной суеты и других дел так ни разу лично и не навестил её. Я даже не знал, что она была совсем рядом, о чём сожалею по сей день. Ты можешь не поверить моим словам, но её гибель не была моим приказом... это несчастный случай. С самого её приезда в Жунин я поселил её в загородном поместье и ни в чём не ущемлял. О пожаре в поместье я узнал лишь на следующий день, когда твоя матушка уже сгорела заживо...

- Довольно! - оборвала его Чжэнь Вэньцзюнь. - Было это умыслом господина Се или случайностью, для меня нет никакой разницы! С того самого момента, как ваша семья Се использовала мою мать для шантажа, заставив меня стать скрытым клинком подле Вэй Тинсуй, я поклялась, что заберу жизни всего вашего рода! Я вовек не забуду, как Се Тайхан обошёлся с нами, матерью и дочерью, как вы сами угрозами принуждали меня, и как после лишили мою мать жизни! Какой смысл в том, что господин Се приносит мне сегодня покаяние? Всё это ваше заслуженное возмездие!

Чжэнь Вэньцзюнь вскинула голову и холодно усмехнулась:

- Если господин Се действительно раскаивается, то скажите мне, куда вы выбросили останки моей матери?

Се Фучэнь ответил:

- На самой вершине горы Ляоси, между двумя кипарисами. Стоит тебе прийти туда, и ты сама всё поймёшь.

Получив то, ради чего пришла, Чжэнь Вэньцзюнь тотчас развернулась, чтобы уйти.

Се Фучэнь окликнул её:

- А-Лай!

Чжэнь Вэньцзюнь замерла, но не обернулась.

Се Фучэнь произнёс ей в спину:

- Это детское имя, которое дала тебе мать. Тебе не следовало отрекаться от него.

Чжэнь Вэньцзюнь отчеканила:

- А-Лай давно погибла вместе со своей матерью, затравленная вашей семьёй Се. Отныне в этом мире есть только Чжэнь Вэньцзюнь, а А-Лай больше нет. Счастливого пути, господин Се.

Покинув императорскую тюрьму, Чжэнь Вэньцзюнь немедленно отправилась к горе Ляоси. По дороге туда ей в голову закралась одна крайне подозрительная мысль.

В тот день, когда она, изменив облик, тайно проникла в поместье Се, господин Юньмэн принял её за «Третьего молодого господина» и велел ей хорошенько сберечь кисть руки и глазные яблоки её покойной матери, чтобы и дальше шантажировать её. Однако Се Фучэнь только что сказал, что её мать сгорела заживо в огне? Если она погибла при пожаре, как могли уцелеть кисть руки и глаза? Даже если бы они уцелели, то наверняка обуглились бы до неузнаваемости. Разве они не побоялись бы вызвать подозрения, отправляя такое в качестве угрозы? Или же её мать просто задохнулась от густого дыма?

Чем больше Чжэнь Вэньцзюнь думала об этом, тем более странной казалась ей эта история. Она не удержалась, стегнула Сяосюэ и во весь опор помчалась к горе Ляоси.

<http://bllate.org/book/17227/1866511>